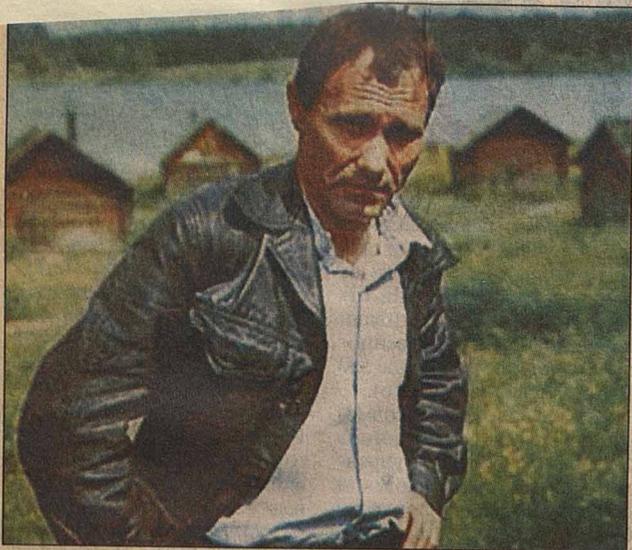

Шукшин Валентин Макарович 27 июля 1927

Константин КЕДРОВ

Шукшин стал писателем в те годы, когда в каждом интеллигентном доме красовался на стенке портрет бородастого Хэма в свитере грубой вязки и трубой в зубах. Сборник рассказов «Характеры» — о молодых деревенских и городских чудаках — написан в традициях суровой прозы Хемингуэя. Только у Шукшина смешно и грустно, а у Хемингуэя грустно и очень мужественно. Бердяев сказал, что в России есть нечто бабье. Это нечто в истерическом характере шукшинских героев всегда присутствует. Один убивает провололочкой микробов, пуча глаза в микроскоп. Другой соорудил вечный двигатель и врет, что тот работает. Третий

свалил трактором по заданию председателя церковь XVII века и укатил с песней «оп, тир-дар-пулия». А самый крутой, как американский ковбой в глубинке, засел в огороде с двустволкой и палит во все стороны. А чем ему еще заниматься, если нет у него ни земли, ни денег, ни даже права на перемещение в пространстве. Освободиться от деревенской жизни в советское время было совсем не просто. Паспортов колхозникам не давали, хранили в сельсовете. Да и городской житель, чтобы выписаться с одного места, должен был представить справку из другого, что его там пропишут.

Героям Хэма все эти ужасы совершенно неведомы. Спиннинг, ружье, зеленые холмы Африки, испанская сиеста с

корридой, парижский кайф, война... Везде они чувствуют себя свободными людьми на свободной земле и живут одновременно в Африке, на Кубе, в Испании, на почти необитаемом побережье, в оклопе, в многолюдном мегаполисе. И всюду дома или как дома.

Хэм выше всех писателей ставил Тургенева и стремился подражать «Запискам охотника». Шукшин никому не подражал. Он сам открыл своего героя, никому не нужного, отвязанного, всегда в дороге то ли из тюрьмы, то ли в тюрьму. Он сам играл этих корешей, выброшенных из жизни, и не очень отделял себя от своих героев.

Хемингуэй полюбился поколению Шукшина, но в русскую почву не врос. Когда-то Евтушенко написал: «Носил он брюки узкие, / читал Хемингуэя. / «Вкусы, брат, не русские, — / внушал отец, мрачней» еще бытовало в интеллигентской среде двести-шесть: «Прочел Хемингуэя я, / не понял ни Хемингуэя» (с ударением на «я»). А, казалось бы, чего тут понимать. Старик вышел в море, чтобы там поймать большую рыбу, с которой у него свои рыбацкие счета. Или — охотник и путешественник отправился в Африку, чтобы проверить себя в по-

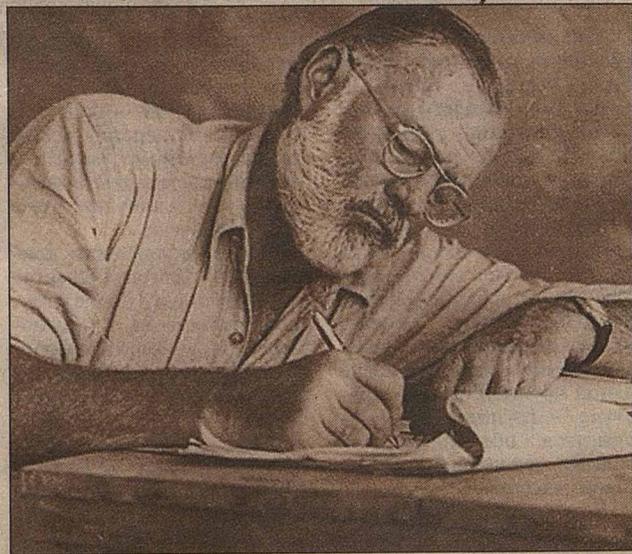
Шук и Хэм

Русский Курьер 2001 — 27 июля с. 6

единке со слонами, львами и носорогами. Или страсть, жаркая, как сиеста, и жестокая, как коррида, клопочет в жилах. Или двое, он и она, изъясняясь одними междометиями, говорят друг другу все. И больше всего.

А вот у Шукшина эта «она» почему-то присутствует либо как мать-невеста, либо как мать-старушка. А чтобы вот такая же страстная женщина, под стать всем этим неугомонным женихам, так этого нет, потому что Шукшин смотрел на женщину по-деревенски. Существо, конечно, для жизни необходимое, но не собеседник и не друг. И уж, конечно, не сексуальный партнер.

Сегодня в России и Хемингуэй, и Шукшин — писатели прошлых лет. На кинофильмы это не распространяется. «Калина красная» — это вечный, почти фольклорный бренд, который у нас никогда не устареет. Но вряд ли устареет и всемирный бренд Хэма «Старик и море». В самом названии — весь Хемингуэй. Надо же, старика сравнил с морем. Две стихии лицом друг к другу. Шукшин никогда не выходил за рамки середины жизни. Ему и его героям просто неприлично доживать до старости. Не случайно в России существует особый пик смерт-

ности сорокалетних. Сорок лет — бабий век? У нас это век мужиков. Дальше они спиваются или погибают в авариях, если раньше не погибли в горячих точках.

Хемингуэй ушел из жизни, пресыщенный днями и переполненный морем. Шукшин сжег себя изнутри. Море его героев умещалось в стакане. Это море было всегда внутри. Шукшин ушел вместе с литературой. Он стал последним популярным писателем. Новое время в писателях не нуж-

дается. Теперь это литературная индустрия по выпечке блокбастеров, бестселлеров и прочего ширпотреба. Со смертью Шукшина писатель исчез как знаковая фигура, уступив свой трон толпе литераторов.

То же самое можно сказать о Хемингуэе. Знаковая фигура ушла. Свято место осталось пусто. Литература перестала быть совестью. А без совести литература вообще перестает быть. Где-то там в прошлом родные, как Чук и Гек, останутся Шук и Хэм.